

ЕРЕМА-ДУРАК И СМЕРТЬ

(Сказка)

В одном не очень отдаленном государстве жил Ерема-дурак. Такой дурак, что совсем необыкновенный. Странный человек, одним словом. Даже в день, когда он родился, стояла какая-то нехорошая тишина. Словно деревня вымерла. Петухи и те не кукарекали.

— Не жилец, наверное, младенец, — прошамкала тогда умная старуха-гадалка.

— Еще какой жилец будет! — оборвала ее другая старуха, которая жила в лесу.

Однако до десяти лет ребенок вообще ничем себя не проявлял. «Щенок и тот себя проявляет, — задумчиво шептались старики. — Отколь такое дитя пришло?»

Даже слова ни одного Ерема не произнес до этого срока: ни умного, ни глупого. А в двенадцать лет пропал. Родители воют, кричат: хоть и дурень ребенок, а все-таки свое молоко. Искали по естеству: нигде нет, куда ни заходили: ни в окрестных деревнях, ни в лесах, ни в полях раздольных. Решили искать по волшебству: еще хуже получилось. Сестрицы клубок смотали. Заговорные слова пошептали, а клубок вывел на чучело. Стоит среди леса дремучего на полянке чучело, а огорода нет и охранять нечего. Клубок даже от страха развязался.

Делать нечего: зажили без Еремы. Собаки и те два дня исть не просили. От глупости, конечно. Словно их Ерема онелепил.

Ну, а так жизнь пошла хорошая: песни за околицей поются, дух в небо летит, по утрам глаза светлеют от сказок. Сестрицы Еремушки на хоровод бегали — далеко-далеко в поле, где цветы сами на грудь просятся и пахучие травы вверх глядят.

А через семь лет Ерема показался. Словно из-под дороги вышел. За плечом — котомка. Лапти такие, будто весь свет обошел. Зато рубаха чистая, выглаженная, точно он прямо из-под невестиных рук появился. И песню поет ну такую глупую, что вся деревня разбежалась. Но делать

нечего: стали опять жить с Еремой.

«Пора бы его обучить чему-нибудь, — чесали затылки деревенские старики. — Таким темным нехорошо быть».

Спросили у него, да толку нет. Тогда решили обучить охоте. Целый год маялись, потом в лес пустили, а мальчонку за ним по пятам присматривать. И видит малец: Ерема ружье на сук повесил, свечку в руки взял, зажег и со свечкой на зайца пошел. Заяц туды-сюды — и издох от изумления. Но Ерема ничем этим даже не воспользовался: прет через лес со свечкой напрямик. А куды прет, зачем? Даже нечистая сила руками развела.

Другой раз на медведя пошел. Но дерево огромное принял за медведя, на верхушку забрался и лапоть сосет. Целый день сидел, без всякого движения.

Худо-бедно, видит народ: надо его чему-нибудь попроще обучить. Сестрицы плачут за него, все пороги у высшего начальства обили. Но кроме как ягоды да грибы собирать ничего проще не придумали. Дали ему корзинку, палку — девица сладкая по картинкам в книге грибы да ягоды различать его учила. Пошел Ерема-дурак в лес. Приходит назад — у девицы над головой как корона из звезд вспыхнула. Смотрят в корзинку — там одни глаза. Много глаз разных устремлены как живые, не на людей, а куда — неизвестно. Все в обморок упали. Встают — а глаз нет, корзинка пустая. Ерема спит на печке, как дурак набитый. Ничего не понимают. Все бегом — к колдунье. Так и так, значит, нешто Ерема — колдун? Пошла колдунья в избу, посмотрела в рот спящему Ереме и сказала: — Не нашего он племени. Дурак он, а не колдун.

А про глаза отгадать не смогла. Гадала, гадала — и все глупость получалась. То козел хохочет, то свиньи чернеют неспроста.

Обозлилась колдунья. Метким взглядом глянула на Ерему — а он дрыхнет, ноги раскинул, рот разинул и почти не дышит.

— Надо на ево, такого паразита, погадать, — проскрипела она. — Посмотрим, что выйдет.

Вынула грязную колоду, чмокнула ее три раза, перевернула, на Ерему покосилась — и давай раскладывать.

Раз раскинула — пустое место получается, два раскинула — пустое место, три — то же самое. Судьбы нет, жизни нет,

дома нет, жены нет, вообще ничего нет. Ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем. Первый раз у первого человека в мире такое выходит. Колдунья струсила, видит, дело плохо, ни туды ни сюды, плюнула, шавкой плюгавой обернулась — и бежать. До дому — ибо даже у колдунов дом бывает.

Народ тогда вообще во всем разочаровался. Ерема нау-тро встал, по грибы пошел, да листьев сухих принес. Все ахнули и махнули на него рукой. Разные дураки бывают, разной степени, но это был абсолютный. Никогда такие не появлялись.

Стали жить да быть, как будто Еремы вообще нету. «Мысли от него только мешаются», — жаловались бабоньки. Надо было ему жену сыскать. Без жены под небом ничего быть не может. Но какая за него пойдет? Вдруг сладкая девица — которая по картинкам грибы его различать учила — говорит: «Я пойду за него замуж». Все так и обомлели. Она сказала: «Я за него пойду», потому что у самого дурака спрашивать было бесполезно: все равно ничего не поймет. Впрочем, он иногда говорил, но ни по уму и ни по глупости, а как — никому не понятно.

Значит, решили объявить про это событие дураку всем миром. Собрали сход, сладкую девицу разодели, радете-ли ее плачут: «За кого, мол, ты выходишь?», нищие песни поют, девица отвечает: «А мне ево жалко». Ерема стоит посередине, в штанах, только головой в разные стороны поводит. Сладкая девица подходит к ему и говорит: «Я тебя люблю!» Как только сказала она эти слова, вдруг тьма объяла небо, грянул гром и деревня исчезла. Стоит Ерема один, как ошалелый, а кругом него тьма и пустота. Потом на миг появились опять те, кто были вокруг него, но уже в виде призраков. Сладкая девица на него смотрит — а глаза словно внутрь себя уходят. Ужас бы любого объял, да для таких дураков и ужасов нет. Мигнула опять деревня призрачным своим бытием — и исчезла: куда, не стоит и спрашивать. Гром грянул, все совсем пропало, даже призраки. Не стало и девицы. Только эхом отдалось: «Я люблю тебя!» Больше уже на месте той деревни ничего нет. А дурак в лес ушел. Бродит не бродит, ест не ест, пьет не пьет. Хотел его нечистый заплутать, сам заплутался — и тоже исчез. Повеселел лес...

...Много годов с тех пор прошло. Ерема-дурак в городе

объявился. Люди добрые к нему пристают: поучись. А чему учиться-та? Ну, начать надо с главного, с божественного. Но у Еремы божественное не получается: все делает шиворот-навыворот. Опять ни туда ни сюда. Наставитель осерчал: «Ну, раз у тебя с Богом нелады, иди к сатане!» Ну и что, пошли к сатане. На краю городка человек жил — полукозел-полукошка. Говорили, что у него с сатаной самые уютные отношения. Человечек Ереме: «Убей», а Ерема вопит: «И так мертвый!» Взмок полукозел-полукошка. Принесли с подвала дитя розовое, нежное, как мармелад. Человек дает Ереме нож: «Переступи!», а Ерема только чихнул. Полукозел-полукошка завизжал: «Ты чего насмехаешься!...» — и в глаза ему глянул. Глянул — и отнесло его. «Уходи, — издалека кричит Ереме, — не наш ты, не наш!» Ну, если не светлый, не адский, значит, земной, пустяшный, решили в городе. Но про то, что Ерема ничего земного в руки не брал (потому что из рук все валялось), мы уже знаем. И поэтому ничего с Еремой у горожан етих, конечно, не получилось. «Что ж он — никакой!» — испугались они. «Ежели хотя бы он тютя-втя был, — рассуждал один — старичок. — Тютя-втя, он хоть что-то делает, хоть сквозь сон. Вяло, а хоть что-то делает. А етот — вне всего!» «Ничего, как смерть подберется, так запляшет по-человечески, — говорили другие. — Смерть, она кого хошь научит».

И правда, то ли глазил кто, но с Еремой скоро очень нехорошие шутки стали происходить.

Жил он на краю городка, в маленьком домике, а за огородом ево и за банькой начиналось поле. А за полем — кладбище. Совсем недалеко. И начал Ерему кто-то с кладбища к себе звать. То платком белым махнет ввечеру, то пальцем поманит какая-то высокая фигура у могилы. Но у дурака один ответ: исть после этого начинает. Наварит каши, нальет маслица и уписывает. Осерчали тогда упокойники. Один малыш ему в дверь стукнул: приходи, мол, к нам. Ну ладно, делать нечего: собрался Ерема к нежилцам.

Соседушка его, приметливый, все понял и смекнул: конец дураку пришел. Да любопытный был, дай-ка, думает, подсмотрю. Пробрался по кустам к кладбищу и глядит: ба! Ерема при свечах на могиле с упокойниками в подкидного играет! Лица у неживых масляные, довольные,

хотя все время в дураках оказываются, проигрывают. Словно зачарованные. Один из них даже песню запел, другой был — при галстукке.

Оставили после этого Ерему в покое. Ни один мертвяк не вылезал.

Худо-бедно, прошло несколько недель. Как-то возвращался Ерема сам не зная откуда по тропинке — и вдруг как из-под земли музыка полилась. Свет луны упал прямо перед ним на траву. И в свете этом красавица — сладкая девица — появилась, та, которая полюбила его в деревне. Но не сладкая она была уже, а в тоске вся и как бы прозрачная, хотя и нежная.

— Что ж, Ерема, — говорит она, — погубила меня любовь к тебе... Погубила...

Ерема на нее посмотрел:

— Да была ли ты?... Кто ты есть-то?

Заплакала девица, но ангел с небес бросил в нее молнию и, лишив вида человеческого, взял душу ее к себе.

А Ерема домой поплелся, только в затылке почесывает. Опять покой для него наступил. Только знает на печи сидит ноги свеся и на балалайке поигрывает (вдруг сам собой научился бренчать).

Тогда уж неживое царство только руками развело. Но решили к нему Марусю подпустить. В народе говорили, ежели Маруся на кого глянет, тому смерти ни с того ни с сево, и к тому же лютой, не миновать. Хужее черта лысого ента Маруся была.

Ну, значит, обрядило неживое царство Марусю свою на выход, к людям. Как все равно на выданье. Приукрасили маненько, потому что в настоящем своем виде ее даже к иным упокойникам не выпустишь: не вместят. Колдовали, плявали, сто заговоров зараз читали. Наконец выпустили красотку на свет Божий. Идет ета Маруся по дорожке из лесу, так даже трава сама не своя становится. Потому Марусю такую на белом свете и держать долго нельзя. Захиреют здешние от ейных глаз.

Подошла она к Ереминой избушке и в окно глянула. Но Ерема и сам на нее посмотрел. Она — на ево, а он — на нее. Аж изба немножечко затряслась. Тараканы и коты попрятались. И чувствует ета Маруся, что она понемножечку от Ереминого взгляда в живую превращается. А он ничего не

чувствует, потому что Ерема с малых лет своих завсегда бесчувственный был. ...Но сказать надо, что той Марусе живой быть — все равно как нам с вами в аду в зубах самого дьявола кувыркаться. Не любила жизнь девочка. Хуже для нее казни не было, как живой стать. Закричала Маруся дурным голосом, в ужасе на руки свои смотрит: вроде полнеют они, кровью наливаются. Гикнула, подпрыгнула вверх; в царство навсегда мертвых лик свой обернула: помощи просит. Оттуда тогда на нее мраком дохнули; ледяной холод заморозил кровь в оживающих руках; голос человеческий, вдруг появившийся, пропал в бездну; зачернели исчезающие глаза... Еле выбралась, одним словом. Неживое царство тогда решило сдаться. «Эдак он нас всех в живых обернет», — решили на совете. «Плюнуть на него надо, чаво там, — сказал на земле помощник мертвого царства. — Пушай евойная Личная Смерть за него берется. Не наше это дело».

И взаправду: если уж Личная Смерть придет, никуда не денешься — срок пришел. Етта тебе не черт поганый, от которого крестом спасешься, а от такого существа ничего не поможет.

Но вышел ли срок Ереме? Спросили об этом у ево Личной Смерти. Та просила подумать денька два-три. «Чаво думать-то, — осерчал помощник. — В книгу живых и мертвых посмотри — и дело с концом».

— Да он у меня нигде не записан: ни в живых, ни в мертвых, — ругнулась в сердцах Личная Смерть. — Надо Великому Ничто помолиться, может, подскажут, куды такого совать. Думаю, ошибка тут какая-нибудь.

— Ох, бездельница, — покраснел от злости помощник. — Все норовишь срок оттянуть. Жизнелюбка!

— Сам жизнелюб, — огрызнулась Смерть. — Иди-ка своей дорогой... Ну, так матерились они часа два-три, но Смерть на своем настояла. Через четыре дня идет к помощнику. — Вася, — говорит, — сроков вообще никаких нету, сказали: когда хошь, тогда и иди.

— Ну, так ты сейчас захоти, — намекнул помощник. — А то вергитя он тут ни живой ни мертвый и оба царства смущает.

Личная Смерть отвечает: «Ну ладно, уговорил! Пойду».

— Подкрепись только, — охальничает помощник.

Знает: никакая Смерть ему не страшна, потому что он и

так уже давно мертвый.

И вот Личная Смерть собралась. Сурьезные времена для Еремы настали. Тут как ни крутись, а ответ держать придется. Тем временем Личная Смерть заглянула в душу Еремы и ужаснулась: куды ж такого девать? Взять душу просто, а вот что с ней потом делать, задача не из легких. Оно конечно, не совсем мое это дело, думает Смерть, но ежели убить такого беспутного, то чушь получится — после смерти у каждого путь должен быть Умненькие по-земному — в ад пойдут, умненькие по-небесному — ввысь, для глупых, добрых, злых — для всех пути есть. А етот как ниоткудава. Ни в рай его не засунешь, ни в ад, ни в какое другое место. Но делать нечего: умерщвлять так умерщвлять. Однако на деле оказалось, Смерть далеко не всезнайка. Не дано ей тоже многое из тайнова знать.

Явилась Смерть к Ереме разом в горницу поутру. Глянула на Ерему — и только тогда осенило ее. Нет для него ни смерти, ни бессмертия, и жизнь тоже по ту сторону его. Не из того он соткан, из чего мир небесный и мир земной созданы, ангелы да и мы, грешные люди. И есть ли он вообще? И видит Смерть, что Ангел, стоящий за ее спиной и мерящий жизнь человека, отступил. Словно в пустоте оказалась Смерть, одна-одинешенька. «Но вид-то его ложный, человеческий, должен пропасть, раз я пришла», — подумала Смерть. А самой страшно стало. Но видит: действительно, меняется Ерема. Сам внутри себя спокоен, на Смерть и внимания не обращает, а облик человеческий теряет.

Но что такому облик? Вдруг засветился он изнутри белым пламенем холодным и как бы несуществующим. Вид человеческий распался, да и облика другого не появилось. Сверкнули только из пламени глаза, обожгли Смерть своим взглядом так, что задрожала она, и ушел Ерема в свое царство, — собственно говоря, он в нем всегда пребывал. Но что это за царство и есть ли оно, не людям знать. Ни на земле, ни на небе, нигде его не найти. Только вспыхнуло пламя, сожглась изба, Смерть одна стоит среди угольков, пригорюнилась. Платочек понизала, нищенкой юродивой прикинулась и пошла. Обиделась.

А жизнь кругом цвететь: мужики мед пьют, баб цалуют, те песни поют, старушки в Церквах Божьих молятся. Пока Смерть не придет.